

Сорок пятый

Виктор ЧУМАКОВ

Наступил счастливейший, радостнейший, самый-самый, ну, не было и не может быть года такого больше — год **сорок пятый!**

Взятие Кёнигсберга, Берлина и... Победа! Утром девятого мая я проснулся ещё шести не было и в кровати принялся читать географию (меня должны были спросить на пятёрку). Вдруг чёрное блюдо репродуктора (он висел прямо над головой) щёлкнуло, захрипело и с трудом узнаваемый голос нашего начальника радиоузла Иванова сказал как-то даже буднично:

— Внимание, внимание! Сегодня в девять часов утра на площади около райкома партии состоится митинг в ознаменование Дня Победы.

Я подскочил на пружинной сетке чуть не до потолка и бросился будить мамочку и братишку.

— Победа! — орал я. — Победа! По радио объявили, что Победа!

И впервые в своей жизни я пошёл — да что там пошёл — полетел в школу к началу занятий без сумки с учебниками.

Мы собрались, сгрудились в актовом зале. Ор и гвалт стояли, как во время Ледового побоища. Наш директор Куликов еле-еле нас переорал, и по его команде мы спустились во двор и покласно построились. Мне как самому длинному да ещё и отличнику дали нести пионерское знамя. Другого знамени в школе просто не было. Моросил дождик, но никто его не замечал. Райком был близко. Наша колонна подошла к большой уже толпе, в которой в основном были бородатые старики и женщины, и встала перед ней. Ждали долго. Знамя моё стало намокать, а по лбу время от времени пробегали крупные капли и срывались с бровей на щёки. Директор наш не выдержал и пошёл в райком. Вернулся оттуда быстро и сказал, подняв руку:

— Сейчас выходят.

Действительно, вскоре степенно и не спеша появились трое мужчин. Одного я знал хорошо. Это был секретарь райкома Носырев — отец моего закадычного друга Лёшки. Они приблизились и встали прямо напротив строя нашей школы, а толпа подвинулась к ним, образовав большую подкову.

Носырев держал речь. Говорил он нескладно, с запинками, слова нужные находил с трудом. Куда как далеко ему было до директора нашей школы, которого, бывало, заслушаешься. По секрету говорили, что он закончил гимназию в Самаре и потом в Казанском университете проучился почти до конца, но закончить помешала гражданская война.

Так вот Носырев всё-таки довёл речь до конца. Горячо поздравил всех с долгожданной победой и провозгласил здравицу в честь организатора и вдохновителя нашей Победы — великого полководца и отца родного товарища Сталина. Все захлопали. Я думал, что будем кричать «ура», но этого не случилось. Почему-то в нашей толпе было больше скованности, чем торжественности и радости.

Председатель райисполкома сделал два шага вперёд и сказал, что митинг закончен. И тут наступил тягчайший для многих и для меня, во всяком случае, момент. Один старик — он стоял слева от председателя и очень от него близко, негромко, может быть, только для председателя Радаева, сказал:

— Надо почтить убитых.

Под сердцем у меня похолодело. Я сжался. Сказанное стариком, оказывается, услышали все. Шумок во всех направлениях пронизал толпу. Трое стоявших перед нами (третий был энкавэдэшник Булочников) мгновенно смутились и не смогли этого скрыть. Для меня началась пытка долгой-долгой паузой. Трое не знали, что делать, что сказать. И всё-таки первым нашёлся Носырев. Недаром его Лёшка был моим другом. Он сделал короткий шаг вперёд и сказал:

— Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины.

Послышались всхлипывания и плач, а я оцепенел. Кто-то дёрнул меня за рукав. Оказалось, что рядом стоит невеста откуда взявшаяся Валюша Шалина и ревёт, а слёзы у неё вперемешку с дождём льются по лицу в три ручья. Директор Куликов крикнул:

— Опустите знамя! — и несколько раз нервно махнул рукой к земле.

Я наклонил древко градусов на сорок пять. А мне хором старики закричали:

— Ниже, ниже!

Только тут для меня что-то прояснилось, и я положил алое полотнище с профилем Ленина, с золотой бахромой и тяжёлыми кистями на мокрую траву, а сам опустился на колени в так некстати оказавшуюся около меня дождевую лужицу.

Гимн на этот раз не пели, а разошлись по домам тихо, без обычного озорства и задирааний девчонок и друг друга.

Разошлись тихо, как с похорон.